

DIGITAL BOOK

МИРЫ АРТЁМА КАМЕНИСТОГО
S-T-I-K-S

**ВЛАДИСЛАВ ЮЖНЫЙ
НОВИЧКАМ ВЕЗЁТ**

Alexander S.

ИДДК

Миры Артёма Каменистого

Владислав Южный

S-T-I-K-S. Новичкам везёт

«ИДДК»

2019

Южный В.

S-T-I-K-S. Новичкам везёт / В. Южный — «ИДДК»,
2019 — (Миры Артёма Каменистого)

Фантастический роман Владислава Южного по миру Артёма Каменистого «S-T-I-K-S». Судьба подкинула непростую задачку — выжить в чужом, мрачном мире, где человеческая жизнь порой дешевле банки тушенки. И не только выжить, но и чего-то добиться, не упасть, не сломаться. На что надеяться, во что верить? В то, что новичкам везёт... Содержит нецензурную брань!

© Южный В., 2019

© ИДДК, 2019

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	22
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Владислав Южный

S-T-I-K-S. Новичкам везёт

Содержание цикла "Миры Артёма Каменистого. S-T-I-K-S":

Архипов Андрей "Второй Хранитель. Книга 1"
Архипов Андрей "Второй Хранитель. Книга 2. Антагонист"
Видина Нелли "Чёрный рейдер"
Вэй Катэр "Мечты сбываются. Книга 1"
Вэй Катэр "Охота на скреббера. Книга 2"
Вэй Катэр "Филант. Книга 3"
Деев Денис "Ночь Грядущая"
Дорохов Михаил "Быстрее судьбы"
Евстратов Василий "Шатун"
Евстратов Василий "Шатун. Книга 2"
Евстратов Василий "Шатун. Книга 3"
Крам Дмитрий "Подкидыши Улья"
Кручинин Сергей "Беглец"
Мясоедов Владимир "Огородник"
Панченко Сергей "Брат во Христе"
Панченко Сергей "Брат во Христе. Второе пришествие"
Сиянов Дмитрий "Скил"
Старский Валерий "Змей"
Текшин Антон "Окаянный"
Южный Владислав "Новичкам везёт"

Глава первая

Водитель сбавил скорость, старенький «ПАЗик» пополз по разбитому асфальту со скоростью хромой черепахи. Автобус утонул в молоке тумана, ни вида ни черта. На улице жутко воняет какой-то химической кислотой, даже в салоне чувствуется едкий запах. Антон с трудом сдержался, чтобы не заматериться в голос – он уже минут двадцать как должен быть на работе, Иваныч там поди рвет и мечет. И вдобавок со связью проблема, так что позвонить и извиниться за опоздание – не судьба. Хотел же взять такси – был бы на месте, но нет – жаба задушила отдать пару сотен. А теперь и премии не видать, и за опоздание оштрафуют. Ну а когда дорогу преградил «Камаз», небрежно припаркованный поперёк дороги, Антон готов был уже кого-нибудь прибить от злости...

Хлопнула дверца, водитель пошёл разобраться с "коллегой", плечистая фигура, обтянутая не очень свежего вида тельняшкой, почти потонула в тумане, с трудом можно различить смутный силуэт. Антон перешёл с хвоста автобуса вперёд, чтобы получше видеть. А водила, вскочив на подножку, заглянул в кабину, и почесав затылок, вернулся обратно. – Ну что там?

– Да баран какой-то в отбойник уткнулся и бросил машину. Бухой, поди, вот и сбежал. – А что – убрать ее никак не получится?

– Точно! – Шофер хлопнул себя по лбу, – там же ключи торчали. Щас, уберу! Чет башка трещит, не соображаю ни хрена.

Водила снова устремился к грузовику, уже забираясь в кабину, позвал Антона:

– Э, пойдём глянешь, чтоб я задницей куда не въехал. Там на панели справа от руля кнопка чтоб дверь открыть, дотянись.

Антон перегнулся через спинку кресла, пальцы коснулись тумблера. Дверь распахнулась, и с клубами едкого тумана в салон ворвался звук тяжёлого двигателя, причём не от «Камаза». Антон замер на ступеньках, вслушиваясь, звук стремительно приближается. Все, что успел разглядеть – огромный силуэт, и тут же в зад автобуса на огромной скорости влетел автокран. Стальная махина смяла салон наполовину, Антон от удара вылетел в дверь, в полёте не слабо приложившись головой. Жуткая боль мгновенно погасила сознание. Сколько провалялся в отключке – неизвестно. Видимо, не очень долго – кровь на лице стала вязкой, плотной, но толком не подсохла. Голова раскалывается просто жуть, Антон даже медленно ощупал, но нет, вроде цела, только бровь рассечена сильно. Но это пустяк, не смертельно. С трудом поднялся, бросил взгляд на дорогу и... ошоломел. Бесконечная стена машзавода слева, что должна вообще-то тянуться ещё очень долго, метрах в семидесяти дальше обрезана словно ножом, а на месте гигантского цеха – пустырь, поросший мелкой пыльной травой. Справа же к дороге вплотную прилепился маленький посёлок, домов пятнадцать. Причём, судя по пустым глазницам окон, провалившимся крышам и сорванным с петель дверям в ближних избах последние жители покинули это место очень давно.

«Не может быть! Это ж бред какой-то!». Парень медленно поковылял вперед в ожидании, что поселок растает как мираж, как тот проклятый туман, что донимал все утро. Но поселок и не собирался исчезать.

От дальнего дома отделился силуэт, Антон узнал водителя, тот медленно бредет, сжимая в руке монтировку. Завидев парня, поспешил навстречу.

– Я думал ты того, помер! Удар страшный был!

– Что здесь вообще происходит?

– Да я знаю, что ли? Сам нихрена не пойму, – водитель бросил монтировку, дрожащими руками вытащил из кармана измятую пачку сигарет, с трудом закурил – пальцы отказывались слушаться. – В посёлке никого, как будто и не жил здесь лет двадцать никто. Да и как мы тут оказались, вообще не соображу.

Шофер сел на землю, обхватил ладонями голову, тонкая струйка дыма от зажатой сигареты медленно поплыла вверх. Антон опустился рядом, заскрипел зубами – любое движение отзывалось адской болью в голове. Шофер заметил, как парень скривился.

– Что – тоже башка трещит?

Антон кивнул и тут же очень пожалел об этом.

– И у меня так же. Че-то здесь не то. Млять, да тут все не то и не так! – мужик со злостью швырнул недокуренную сигарету.

– Что делать-то дальше будем?

– Да хрен его знает. По идее, нас уже раз двадцать должны найти. Но никого нет, тишина мертвая! Можешь, конечно, посчитать меня психом, но кажется... это... это не наш мир. – Тогда я тоже псих. Потому что и сам об этом думаю.

Водитель хмыкнул.

– С ума, говорят, по одиночке сходят, так что мы явно не бредим.

Антон спросил, хотя и сам знал ответ:

– Больше никто не выжил?

– Нет, только нам с тобой... повезло.

– Пока не факт, что повезло.

В звенящей тишине отчётливо послышался звук двигателя. По дороге, что прорезала посёлок змеей, медленно пылила машина, судя по очертаниям – внедорожник или грузовичок. Водила поднялся.

– Неужели люди?

Заметив Антона и его товарища по несчастью, незнакомцы прибавили ходу. Пролетев пулей извилистую улочку, машина уже через пару минут домчалась до места аварии. Это «Газель», но Антон с трудом опознал ее в этом железном монстре. Кабину и двигатель защищают наваренные стальные листы с приличной толщиной, впереди подобие кенгурятника из толстой арматуры, борта укреплены листами металла, посреди кузова на самодельной турели закреплен внушительного вида пулемёт. Стоящий в кузове квадратный мужичок в потертом камуфляже хмуро прищурившись, направил ствол на Антона. Сидевший рядом с ним товарищ по оружию лениво потянулся, встал, подхватив зажатый между колен калаш. Спрыгнув на землю, не спеша размялся, всем видом показывая, кто здесь главный. Хлопнули дверцы и наружу выбрались ещё двое – водитель броневичка и пассажир, оба с автоматами. Все четверо в камуфляже, чем-то смутно похожие друг на друга, как братья, только пулемётчик покореннее остальных.

– Жбан, смотри какие клоуны, – пулеметчик ухмыльнулся, смачно харкнул Антону под ноги, – а ну стойте смирно.

– Мужики... помогите... мы в аварию... попали, – шофер не сдержал всхлипа, шагнул вперёд.

Лениво зевавший до этого боец резко двинул прикладом, шофер мешком рухнул в пыль. – Хохол, проверь автобус, может, ещё кто живой затихарился, – водитель послушно побрел к развороченным машинам. – Кабан, вяжи этих, а то зомбанутся по дороге, хлопот не оберешься.

– Жбан, там какой-то движняк, – пулемётчик напряженно вгляделся во все быстрее темневший горизонт. – Пустыши, кажись, плетутся, харь тридцать.

Жбан вытащил бинокль, приложил к глазам:

– Вижу, там не только пустыши, позади ещё и рубер. Не спешит, тварь... решил посмотреть, как мы с пустышами справимся!

– Че делать будем?

– Уходим! Кластер свежий под боком, шуметь нельзя. Хохол! Давай назад за руль. Кабан же тем временем стянул руки Антону за спиной пластиковым хомутом, кивнул на кузов,

дескать, залазь, и принялся паковать шофера. Антон оперся грудью о борт, перелезть без посторонней помощи явно не получится. Пулеметчик хмыкнул, волосатая лапища схватила парня за шиворот и рывком затащила в кузов. Антон повалился на дно кузова, пулеметчик пинком предложил перекатиться к правому борту и присев, связал ноги веревкой. Кабан без усилий закинул следом шофера, словно мешок с картошкой. – Кабан, давай в кузов, я в кабине покемарю. Всё, двигаем на базу.

Фыркнул двигатель, «Газель» лихо развернулась, обдав искореженный автобус облаком пыли, и помчалась в обратный путь.

Трясло ужасно. Антона подбрасывало в кузове, мотало из стороны в сторону, от дикой головной боли парень временами проваливался в душный влажный обморок. Пулемётчик покосился с интересом, пихнул дремавшего Кабана в бок:

– Смотри, новичок по ходу сейчас зомбанется. Может, замочить его нахрен?

Сквозь пелену боли Антон с трудом расслышал слова пулемётчика, и... даже обрадовался скорой смерти. Ведь это избавление от этого кошмара, голова словно раскаленная железная болванка, по которой без остановки долбят кувалдой.

– Да не, это он под откат попал. Да и без живчика видать хреново. – Медленно достал из внутреннего кармана фляжку, раздумывая, стоит ли тратить на потенциального мертвеца, наконец, отвинтил крышку, прижал горлышко к потрескавшимся от жажды губам пленника. – На, хлебни – полегчает!

Антон сделал несколько неловких глотков, с трудом проглотил мерзкий на вкус напиток, откашлялся.

– Что это за хрень?!

Пулеметчик с Кабаном синхронно заржали:

– Эта хрень для нас лучшее пойло. И для тебя тоже, если не зомбанешься!

– Зомбанусь?

– Долго объяснять. Да и зачем, у тебя теперь два пути – или в клетку, или в яму. – Пулемётчик снова загоготал, – третьего не дано.

Антон выпрямился, странно, но вроде бы полегчало. Шум в ушах медленно стихал, сердце перестало трепыхаться как пойманная птица.

– Ну как – помогает живчик? – Кабан покосился с ухмылкой. – А ты рожу кривил. Это средство от всех болезней.

Грузовичок сбросил скорость, пулеметчик обернулся, глянул через кабину вперёд:

– Вот это подфартило! Кабан, зырь какая краля!

«Газель» медленно объехала припаркованную на обочине «Тойоту» с без усталости моргающей "аварийкой". Капот задран, над сверкающим идеальной чистотой двигателем склонилась белокурая красotka в тонкой полупрозрачной блузке и нескромно обтягивающих джинсах. Она радостно защелкала, когда из кабины вылез заспанный Жбан:

– Ой, мальчики, вы военные, да? Ой, как хорошо, что вы встретились. Я тут заблудилась и с машиной что-то, не заводится, – девушка улыбнулась Хохлу, что тоже выбрался из кабины.

Жбан хмыкнул, оглянулся вокруг. Вроде тихо.

– Ну как не помочь такой красоте... – та смущенно опустила длинные ресницы, – только это... дашь на дашь... – Жбан похотливо загоготал, Хохол поддержал командира. – Ты это, давай-ка... – Жбан опустил капот и похлопал грязной лапищей, – устраивайся поудобнее и... джинсы не забудь спустить.

Кабан хмыкнул:

– Сейчас будет шоу...

Девушка зашмыгала носом, глаза повлажнели:

– Мальчики, может... может не надо?

– Надо, надо. Давай, не тяни, а то церемониться не стану!

Та оглядела жадно разглядывавших ее мерзавцев, отвернулась, дрожащие пальцы нерешительно расстегнули мелкие пуговички блузки. Жбан шагнул ближе, потная ладонь легла на тонкую талию.

– Как зовут-то тебя, красотка? Давай помогу...

Блондинка рывком развернулась, в руке блеснул внушительный нож, Жбан захрипел, сжав пальцами распоротую глотку. Замах, нож свистнул, Хохол не успел даже ничего понять, как клинок вошёл в глаз по самую рукоять. В руках блондинки уже автомат Жбана, лязгнул затвор, ствол угрожающе устоялся на офигевших от неожиданной развязки бандитов.

– Руки, руки подняли, чтоб я видела! – Голос из нежного девичьего стал металлическим. – Дернетесь – завалю обоих!

За спиной красотки шагах в пятнадцати поднялись два здоровяка. Искусный камуфляж – что-то типа плаща-накидки с пучками жухлой травы позволил оставаться незамеченными до поры. Один вскинул арбалет, взяв на прицел пулемётчика, в огромных мускулистых ручищах оружие казалось игрушечным. Другой, сжимая пистолет с глушителем, быстрыми шагами приблизился к «Газели». Заглянул в кабину, там пусто, вернулся к застывшим пленникам.

– Ты, – ствол указал на пулеметчика, – медленно и аккуратно свяжи лапки своему корешу. Медленно, я сказал.

Боец послушно стянул запястья Кабану, тот заскрипел зубами, но смолчал.

– Вот и умница. Только вот зачем нам два пленных, одного хватит. – Сухой щелчок, на лбу пулемётчика расцвело алое рваное пятно, амбал свалился за борт как подкошенный.

– Зена, тут у них два пленника.

Красотка подошла к машине, со злостью оттирая бурое пятно на блузке.

– Такую вещь заляпал, урод. Что тут у тебя?

Боец хмыкнул:

– Да мур, по ходу, двух новичков прихватили. Свежий кластер недалеко. Видок у них конечно не очень.

– Думаешь, оба зомбанутся?

– Похоже на то!

Водила подал голос:

– Ребят, мы тут вообще не при делах. Руки освободите, я уже пальцев не чую. – Умолкни уже. И вообще, чтоб лишнего звука не слышал. А то этим компанию составите! – он кивнул на мертвецов.

– Калач, угомонись. Нельзя новичков обижать, примета плохая. На муров, вон, глянь, если не веришь.

– Да я ж так, для порядка.

– Всё, кончай болтать, дуй за руль. Молчун, приглядишь? – верзила в ответ лишь кивнул, ловким прыжком забрался в кузов.

Небо совсем почернело, а проклятый грузовичок и не думает останавливаться. Антон выдохнул, разжал стиснутые зубы – жуткая боль, немного отступившая после той бодяги, медленно возвращалась. Пока терпимо, а вот стянутые мёртвой хваткой ладони совсем заledenели, он уже не чувствует пальцев. Всю долгую дорогу в кузове царило молчание, лишь Зена с Калачом в кабине о чем-то тихо спорили, но разобрать слов из-за тарахтящего движка и скрипа железяк было невозможно. Арбалетчик же, который охранял теперь уже трёх связанных, не проронил ни слова, он вообще почти все время просидел в одной позе, лишь в самом начале провёл над пленниками какой-то пикающей штуковины, похожей на пульт-переросток от телевизора. Скорее всего, искал «жучков», но раз больше никаких действий не последовало – все чисто. Водила теперь лежал рядом с Антоном, а Кабана определили к левому борту. Водила без остановки скрипел зубами, стонал, Антон не раз замечал косые взгляды арбалетчика на бедолагу. Тот явно о чем-то догадывался, а ещё не давала покоя та фраза, что

«новички могут зомбануться». Антон уже перестал чему-нибудь удивляться, в этом чокнутом месте похоже возможно всё. Тут поди и драконы с эльфами где-нибудь водятся.

Водила вдруг дернулся, задрожал, глаза распахнулись, блеклые, мутные, из глотки вырвалось хрипкое урчание. Мужик потянулся ртом к Антону, тот дернулся, отодвигаясь, но уперся в борт. Ещё успел подумать, что водила решил поцеловать, педик небритый, а тот с сочным чавканьем вгрызся в щеку. Арбалетчик рванулся следом, короткий замах, и в висок шофера с хрустом вонзился клинок. Антон заорал в голос, не столько от боли, сколь от ужаса, на потрепанных грязных джинсах спереди проступило тёмное пятно.

Визгнули тормоза, «Газель» замерла на месте, пыльное облако догнало машину. Из-за открывшейся водительской двери раздался встревоженный голос:

– Молчун, что там у вас?

– Да все в порядке, – здоровяк медленно и старательно вытер лезвие о тельняшку водилы, – новичок, полосатый который – зомбанулся. Ну и второго малость надкусил.

Антон вспыхнул:

– Малость?! Да он мне чуть щеку не сгрыз!

– Да щас пластырем заклею, не ссы!

Вспомнив о неприятном моменте, Антон благоразумно умолк.

Молчун устроился поудобнее на прежнее место, пудовый кулак грохнул по кабине:

– Поехали!

Фыркнув движком, «Газель» лихо рванула на запад, несмотря на солидный вес брони. Уже в полной темноте машина вывернула на асфальт, вернее, жалкое подобие оного, ибо тряссти начало ещё похлеще, чем по грунтовке. Боль вернулась, причём с удвоенной силой вгрызлась в виски, и на очередном ухабе сознание милосердно отключилось. К жизни Антона вернуло ведро холодной воды, он подскочил, порываясь сесть, но без помощи рук это непросто. Грохнулся на спину, рядом с довольной ухмылкой возвышается Молчун.

– Ну как, освежился?

Антон повернулся набок, извернувшись гусеницей, сел. Огляделся вокруг, похоже, какой-то подвал. Антон в углу, на ворохе какого-то тряпья. Прямо над головой несколько труб, что тянутся от одной стены к другой. От бетонного пола тянет могильным холодом, пахнет сыростью и затхлой водой. Закопченные кирпичные стены уходят куда-то вдаль, тонут в непроглядной тьме. От маленького фонарика в руках Молчуна почти никакого толку. – Освежился, или ещё повторить?

– Освежился. – Только сейчас почувствовал пластырь на щеке, вспомнил про укус. – Что... что со мной теперь будет?

Молчун нахмурил брови:

– Да ничего! Зена с Калачом разберутся, если не при делах – можешь идти на все четыре стороны. Далеко ли только уйдешь...

– Я про укус – я тоже... это... это самое?!

– А-а-а, вот ты о чем! – боец рассмеялся. – Не бойся, ты и до укуса был заражен. Все мы заражены, только не все становятся мертвяками. Правда, лишь малая часть новичков. Ты сколько здесь по времени?

– Не знаю, утром попал. Вместе с тем мужиком, которого ты... который меня...

Молчун пробурчал недовольно:

– Че ты мямлишь? Грохнул я его, потому как не человек он больше, а тварь кровожадная. И чем больше будет жрать, тем сильнее начнёт изменяться. Фу блин, сроду так много не говорил! Давай сюда руки, – Молчун склонился над парнем, – щас в сортир под моим конвоем, а потом уже на допрос.

Кровь хлынула в пальцы, Антон чуть не зарычал от боли, такое чувство, что сунул ладони в раскаленную печь. Молчун хмыкнул, помог подняться, толкнул в спину.

- Шагай давай, а то там тебя твой кореш Кабан заждался.
- Он мне не кореш. Водилу жалко, хороший мужик был. А куда его тело дели?
- Да прикопали тут неподалёку, нечего тварей подкармливать.
- Бандюков же бросили.
- Так это далеко от базы. А друг твой уже на подъезде омертвятился, нечего лишний раз

внимание привлекать.

После мрачного душного подвала на улице показалось чересчур прохладно, да ещё и одежда мокрая. Антон справил нужду, не очень комфортно, когда за спиной в абсолютной тишине и мраке сопит верзила с ножом в руке.

- Закончил? Двигай вперёд.
- Куда? Не видно ж ни черта!
- Прямо иди, вон изба стоит.

Антон медленно пошагал, выставив руки перед собой, чтоб не врезаться лбом. Глаза мало-помалу привыкли к темноте, к бледному свету звёзд. В шагах десяти на фоне мерцающего неба вырос чёрный прямоугольник дома. Молчун обогнал, вспыхнул фонарик и тут же погас, а следом раздался скрип открываемой двери. Антон пригнулся, чтоб не хрястнуться головой о низкий свод, дверной проем рассчитан на карликов что ли, или гномов. Внутри трое – за широким столом Зена, рядом на табуретке сидит Калач уже в чистом камуфляже, а в углу напротив, прямо на полу связанный Кабан.

- Зена, я привел.
- Спасибо, Молчун! Э, а че он мокрый такой?!
- Верзила самодовольно оскалился:
- Да я ему очухаться помог. Водные процедуры, так сказать.
- Молчу-у-ун! Ему и так досталось!
- Ничего, злее будет! Я пойду?
- Зена спросила с болью в голосе:
- Постой, Учитель там как?
- Боец нахмурил кустистые брови, лицо разом почернело.
- Хреново, совсем хреново. Его бы в стаб, отлежаться недельку.
- Ладно, придумаем что-нибудь. Иди, мы тут сами справимся.

Молчун тихо притворил за собой дверь, в звенящей тишине отчётливо слышался звук удаляющихся шагов. Зена первой нарушила затянувшееся молчание:

– Извини, если с тобой обошлись грубовато, не до церемоний было. Как тебя кстати зовут? – Антон.

- Калач хмыкнул:
- Сразу видно, что новичок. А фамилия у тебя случайно не Штопаный?
- Случайно нет.

Боец оскалился:

– Жаль, а то как бы было шикарно представляться, – Калач договаривал, давясь смехом, – здрасти, я Штопаный Антон!

Зена вмешалась:

- Хватит, Калач. Нельзя новичков обижать, он же не знает ещё ничего.
- Да он, может, ещё зомбанется, полдня всего Улей топчет.
- Вряд ли. – Она повернулась к Антону, – уж извини, рисковать не можем, так что посидишь на карантине. Возражений нет?
- Нет. Мне бы попить той бодяги, Кабан давал до этого, башка сразу прошла.
- О-па! – Калач усмехнулся. – А паренек-то уже про живчик в курсе. На, держи. Только понемногу пей, не части. – Достал из внутреннего кармана флажку, ту самую, что была у

Кабана. – Это тебе от вот этой замечательной свинки последний подарок. Калач бросил парню, поленившись подать, Антон поймал с трудом, немеющие пальцы отказывались слушаться.

– Седой!

На зов появился невысокий сутулый мужичок с обрезом в руках.

– Отведи новичка в карантин. И пожрать ему дай.

Антонувели, боец не спеша поднялся, подошёл к сгорбившемуся пленнику. Кабан зло зыркнул и опустил взгляд, он похож на угодившего в капкан волка. Калач опустился на корточки, в руке заблестел внушительный тесак.

– Кончай эти понты, Калач, – голос пленника звучал хрипло и обреченно, – новичка своим ножиком пугай. Так и так вы меня в живых не оставите.

– Не буду врать, в этом ты прав. Только вопрос в том, умрёшь ты быстро и почти безболезненно, или как следует помучаешься. Выбирай!

– Первый вариант.

Калач усмехнулся, вернулся на прежнее место, табурет пискляво скрипнул.

– Сколько ваших в этом районе?

Кабан обтер связанными руками разбитые губы, выдавил глухо:

– Около сотни. Группами по пятнадцать-двадцать. Общее командование на Кастете. С ним вечно военспец от внешников тусуется, Кальвин, кажется, позывной. Про внешников ничего не скажу, знаю только, что километрах в ста отсюда на каком-то мелком стабе они неплохую базу замутили. А где, что конкретно – не знаю. За такой интерес сразу в расход.

– А чего вы с «Газели» броневик замутили? Совсем обнищали?

– Это Кастет для патрулей велел сделать, по дорогам, говорит, сойдёт колесить. Нам сказали – какие-то крутые стронги объявились. Мы уж неделю на ушах, из патрулей не вылазили, ни пожрать, ни поспать нормально, – Кабан с грустью усмехнулся, – вот и лоханулись с вами.

– Где база вашей группы?

Кабан засопел, опустил голову.

– Где база?

Пленник глухо пробурчал сквозь зубы:

– Километрах в сорока на восток, там ещё завод здоровый, химический, почти на полк-ластера. – Знаю такой.

– От проходной влево склады... там... база.

– Сколько человек в группе?

– Восемнадцать... было.

Калач зло усмехнулся

– Теперь считай четырнадцать!

Зена что-то записала в блокноте, спросила, не поднимая головы:

– Как с вооружением?

– Один АГС, два РПК, ну и стрелковое.

Зена поднялась из-за стола, показывая, что допрос окончен.

– Ну что, Кабан? Готов умереть в расцвете лет молодым и красивым? – Калач не спеша накрутил глушитель на пистолет.

Кабан нахмурил брови, голос зазвучал угрюмо:

– Я своё пожил...

Седой принёс пару банок тушенки и кусок хлеба:

– Извини, у нас с продовольствием туго сейчас. Чем богаты, как говорится. Антон оглядел тесный подвальныйчик, именуемый карантин, метра два на три бетонная коробка, напротив двери из досок и двух здоровенных чурбаков сложено подобие нар, третий чурбак служит в качестве обеденного стола. На него-то Седой и выложил нехитрый ужин.

– Долго мне здесь торчать?

– Денька два бы надо для верности, но, скорее всего, до утра если не зомбанешься, то и потом вряд ли.

Антон накинудся на тушенку, хорошо, что Седой заранее вскрыл банки, иначе истек бы слюной.

– Сейчас чаю принесу!

Лязгнула металлическая решетка из толстой арматуры, мужик вышел, Антон и не обратил внимания. Никогда прежде он не ел такой вкуснятины, или это от голода так показалось, выскреб обе банки до блеска, ещё и протер хлебом, чтоб ничего не оставить. Седой, вернувшись через несколько минут со стаканом чая в руке, одобрительно хмыкнул:

– Проголодался? Это хорошо, что такой аппетит – кандидаты в мертвяки обычно мало едят, словно ждут перерождения, чтоб вдоволь мяса покушать. Звать-то тебя как?

– Антон, – парень с шумом отхлебнул чая, брови удивленно вздернулись – сахара Седой не пожалел!

– Вот сразу ясно, что новичок!

– Да почему?

Седой молча вышел, вскоре вернулся с табуреткой в руках, видимо, беседа грозит затянуться. – Первое дело для новичка – забыть старое имя. Совсем забудь, – мужик опустился на табурет, из-за сутулости он смотрел немного исподлобья, брови казались грозно нахмуренными. – Забудь раз и навсегда! Теперь у тебя будет прозвище или погоняло, но не имя! Здесь народ у нас очень суеверный. Со старым именем только бабы здесь, да и то половина на новый лад переделывает, чтоб звучало покрасивше. Была Люська-давалка, а здесь глядишь, уже Люсинда или ещё как. Так что надо тебя окрестить по-новому.

Антон криво усмехнулся:

– Я в бога не верю, чтобы креститься.

Седой посмотрел на парня, как на неразумного:

– Нашёл чем гордиться, ты в Бога не веришь, зато он, может, верит в тебя. Потому и жив-здоров до сих пор, а другие бродят в поисках свежей человечинки.

– За это скорее Зену благодарить стоит, чем небеса.

Седой усмехнулся:

– Закоренелый, значит, атеист? О, кстати, а чем не прозвище?

– Атеист?!

– Ну по сравнению с Кабаном или Калачом посolidнее звучит. Был тут один боец, Клизмой звали. Так что тебе неплохой вариант достался.

– Ну хорошо, Атеист, так Атеист. Седой, ты мне хоть немного объясни – куда я попал? Что за хрень здесь творится, какие-то муры, внешники, зомби.

Седой вздохнул, ладонь потерла взлохмаченную голову:

– Да тут долго объяснять придётся, и в такое сложно новичку поверить.

Антон усмехнулся:

– Так мне спешить теперь некуда. А после того, как здоровый вроде бы мужик ни с того ни с сего зомбаком заделался и взялся меня грызть, я уж во что угодно поверю. Даже в то, что здесь ещё и орки с троллями водятся.

Седой подался, заговорщицки подмигнув, спросил:

– Ты водку пьешь?

– Пью. Кто ж не пьёт, если нальют?

– Это точно. Погоди, я щас!

Мужик проворно поднялся, уже на пороге обернулся, бросил взгляд на пустой стол-чурбак. – Эх, придётся НЗ потрошить... Погоди, сейчас я быстро!

Вновь скрипнула запираемая решетка, Антон устало откинулся назад, от бетонной стены тянуло холодом, но наконец-то можно хоть чуточку расслабиться. А от этой бодяги и правда полегчало, голова почти не болит, так, лишь шумит в ушах немного. И соображать легче стало, а пораскинуть мозгами явно есть над чем. Как-то же надо жить дальше...

Седой вернулся с рюкзаком в руках, выставил на чурбак бутылку водки, банку тушенки, на подстеленную газету порезал большой кусок сала и хлеб.

– Ну давай, Атеист, обмоем твоё новое имя. И за встречу, так сказать выпьем, – Седой суетливо свернул крышку, разлил по пластиковым стаканчикам. – А то не люблю я в одного пить, как алкаш конченный.

Чокнулись, водка обожгла глотку, этот напиток на вкус и так не очень приятный, а теплая – вообще мерзость. Но Антону, то бишь уже Атеисту не до капризов, после сегодняшних приключений хочется нажраться в сопли, чтобы забыть весь этот кошмар. И плевать, что завтра скорее всего будет не менее насыщенный день. Не теряя времени напрасно, Седой повторил. Снова выпили, теперь уже за удачу, чтобы задержаться подольше на этом свете – она крайне необходима. Третью выпили не чокаясь, хоть вечером и не принято поминать. Атеист налегал на сало, чтоб не развезло, ещё о многом нужно расспросить Седого, пока у того язык на почве алкогольных возлияний молотит как помело.

– Ну так что, Седой? Просветишь, что тут да как?

– Да не вопрос, – Седой потряс стремительно пустеющей бутылкой, горестно вздохнул, – блин, топливо кончается. Хотя что рассказывать – я тебе сейчас покажу.

Потянулся за рюкзаком, небрежно отброшенным к стене, табуретка жалобно скрипнула, Седого качнуло, ещё чуть-чуть и грохнулся бы. Атеист дернулся через чурбак, но помощь не понадобилась.

– Осторожнее, не упади!

Седой повернулся лицом к собутыльнику, в тусклом свете электролампы зеленые глаза мутновато заблестели, мужик пьяно хмыкнул, потряс крючковатым пальцем:

– Седой не падает, Седой стримтильно... тьфу... стремительно ложится.

Вторая попытка увенчалась успехом, мозолистая ладонь нырнула в нутро рюкзака, вынула старую истрепанную тетрадь, завернутую в целлофан. Седой бережно развернул и протянул Атеисту:

– Вот ты, наверное, смотришь на меня, думаешь – алкаш, сейчас начнёт умничать! А ведь я, Атеистушка, не всегда был «подай-принеси». Если судьба закинет в северные стабы, ещё услышишь про Седого. Я ж раньше был в команде у Тайсона, знаменитый охотник на тварей, в одиночку элиту замочил, руберов пачками валил. Везучий был... до поры. Нарвались на колонну внешников, почти вся группа погибла, только я да Лапоть вырвались. Лапоть, правда, в прошлом году на рубера нарвался, нет больше кореша моего. Ну а я в одиночку побродил немного, да вот в эту команду прибился. Накосячил я, Атеист, в одном стабе, хорошо так накосячил, так что закрыта мне дорога с внешки. Тут и сдохну.

– Половину не понял, но ты, это, не грузись, жив-здоров, это ж тоже неплохо.

– Ну да, ну да, – Седой печально кивнул. – Давай ещё вмажем?

– Давай.

«Да не такая уж и мерзость. Хорошая водка, и похуже бывало».

– Так я гляну? – Атеист потряс тетрадкой.

– погоди! Для начала я тебе так малость проясню. Вот представь, допустим, карту, – указал рукой на стену справа. – Вот справа на ней по самому углу, от потолка до пола – Удавка, вся из мёртвых кластеров. Тьфу, ты про кластеры в курсе?

– Ну слышал из разговоров про какой-то свежий кластер.

– Тогда, с самого начала. Слушай и не перебивай, а то я сопьюсь, тьфу, собьюсь. Этот мир мы называем Ульем, реже Стиксом, потому как похож он на пчелиный улей, каждая сота – кусок иного мира, и вот так из кусков собран целый мир. Представил?

– Ну более-менее! – Атеист покрутил пальцами.

– Выпили потому что мало... Короче сота – это клочок из другого мира, называемый нами кластером. Вроде как сюда загружается копия, потому как часто ты слышал в своём мире о вырванных и исчезнувших непонятно куда городах или поселках?

– Нет, ни разу!

– Ну вот, так что скорее всего ты лишь копия самого себя. Фу, мозги уже кипят. Короче, это понял?

Атеист кивнул, хотя верить в такое даже полупьяный мозг отказывался.

– Кластеры бывают стандартные, это те, которые время от времени перезагружаются, в таком и ты, и я попали сюда. У каждого разная скорость перезагрузки, потом сам все поймешь, это просто. Знай только – увидел, как туман собирается кисло пахнувший – вали оттуда со всех ног. Иначе попадешь под откат, а это либо копыта отбросишь, либо до конца жизни, вряд ли долгой, будешь лыбиться всем подряд и слюни пускать. Вернуться вместе с перезагрузкой домой – не вариант, понял?

– Понял.

– Но есть стабы – стабильные кластеры, вот здесь перезагрузки не бывает, или бывает так редко, что успеешь не раз сдохнуть до этого. На таких кластерах можно жить более-менее, кое-где даже крупные города появились. Но это намного западнее, здесь внешники житья не дадут.

– Внешники? Целый день про них слышу, кто это?

– Не спеши! Про кластеры закончу! Есть ещё мёртвые кластеры, там ничего, только чернота как у негра в... в общем, мертвая чёрная трава, и земля словно посыпанная сажей. На таком кластере электроника бесполезна, там и сам сдохнуть можешь без проблем, сворачивает нутро в трубочку, мама не горюй, так что не лезь туда, даже не пробуй. Фух, давай допьем уже, чего тянуть?

– Давай.

Выпили. Атеисту захорошело, ноги налились свинцовой тяжестью, веки набрякли, моргать тяжело, жарко и душно здесь. Седой тоже раскраснелся, расстегнул рубашу до пупа, балаболит без умолку.

– С кластерами разобрались. Теперь немного географии. – Седой вытянул руку как памятник вождю мирового пролетариата. – Справа, по самому краю полоса мёртвых кластеров, или Удавка. Западнее пошла Внешка, здесь в основном территорию контролируют внешники – выходцы из других миров, что как-то наострились нырять в этот. Там у них и порталы, и базы, соваться туда, что крокодила яйцами дразнить – глупо и опасно. Чем дальше на запад, тем внешников меньше, не могут эти сволочи далеко от своих баз забираться. Зато здесь тварей побольше, и чем дальше, тем хуже и хуже. Там начинается Ад, Пекло, по-разному называют, там кластеры грузятся чаще, да ещё и много где из мегаполисов куски, так что жрать, не пережрать.

– А что за твари-то? Зомбаки типа этого, который меня чуть не загрыз?

– Хуже. Намного хуже. Да и не зомби это, они ведь не совсем мёртвые – дышат, кушать хотят, правда, вкусы у них чересчур специфические. Ты открой-то тетрадку, это Фотограф, покойник, делал, для новичков в самый раз немного познакомиться с местными обитателями, если сам таким не стал.

Атеист медленно перевернул обложку, на первом листе вклеена фотография типичного зомбака – мужик в разодранном на лоскуты спортивном костюме, изрядно залитом кровью, на правой щеке свесился лохмот мяса, обнажив золотые зубы. Под фотографией что-то напи-

сано, строчек пять, но почерк, хуже, чем у врачей, да ещё с пьяных глаз не разобрать. Седой прокомментировал:

– Первая стадия зараженных. Пустыши. Знаешь, почему пустыши?

– Нет.

– Попадая сюда, мы все без исключения заражаемся вирусом. Большинство становится мертвяками, лишь мизер остаётся в добром уме и здравии. Но вирус не лечится, не выводится никак. И чтоб он не развился дальше, нам, иммунным, нужно пить тот самый живчик, что ты из фляжки хлебал. А делается это пойло из споранов, что добываются только из зараженных. Причём не таких дохлячков как этот на картинке, а...

– Что? Эту бодягу из трупиков делают?

– Не трупиков, а споранов из спорового мешка на затылке у твари.

– Дак один хрен!

– Да ладно тебе. Когда ломка без живчика начнётся, ты этого трупака готов будешь в задницу расцеловать, так что не надо нос морщить. На чем я остановился? – Седой нахмурил лоб, соображая, наконец хлопнул по колену. – Так вот, из этих мертвяков развиваются твари покруче, сначала пустыши, затем споровики, ты листай тетрадку, листай, там, правда, дохлые твари сфотаны, они знаешь ли не очень любят стоять спокойно на месте. Так вот споровики – наш основной источник сырья для живчика. Эти ребята мутируют уже посерьезнее, становятся сильнее, зубастее, когти отращивают такие, что металл рвут, броней обрастают, вроде костяная, а хрен пробьешь.

Атеист медленно перелистывал, на фотографиях уроды, один страшнее другого, не дай бог такого повстречать. «Ого, топтун какой-то, ну и видок. Я такого ужаса и в кино не видел.» – Слушай, Атеист! По ходу, тут без ещё одной бутылки точно не разобраться, да?

– А есть?

– Да как тебе сказать, нету, но есть одно местечко, где у меня заныкан ящик, Калач заботился со своим сухим законом, приходится соблюдать конспирацию. В общем, километра два отсюда хуторок есть, домов пять, они там уж скоро завалятся от старости, так я там тайничок устроил. Сгоняем?

– На чем?

– На вертолете, млять! Пешочком, конечно, шуметь в этих местах – хреновая идея. Прогуляемся туда-обратно!

– А не опасно?

– Чего?! – Седой вскочил, опрокинув табурет. – Если опасности боишься, так тебе тут недолго удастся протянуть, сынок!

Атеист поднялся с лежака, Седой качнулся вперед, спросил, обдав облаком едкого перегара, пальцем ткнув собеседника в грудь:

– Ты... русский?

Атеист, качаясь как лист на ветру, кивнул:

– Русский!

– Ну, а хрена ты тогда ломаешься?! Пошли!

Жалобно звякнула дверь, Атеисту показалось, что с размаху нырнул в темный ледяной омут, после душного подвала чересчур прохладно. Темнота абсолютная, словно остался без глаз. Седой же пошагал куда-то уверенно, так, словно на дворе ясный солнечный день. Атеист поплелся следом, ориентируясь больше на звук шагов, беспрерывно спотыкаясь, цепляясь за ветки. Глаза понемногу привыкли, впереди все чётче вырисовывается горбатый силуэт. Шаги, кто-то идёт навстречу, но Седой и не думал сворачивать.

– Кто идёт?

– Кому надо, тот и идёт! Салага, ты что ль на посту?

Из темноты вновь раздался голос, явно старается говорить суровее, но получается так себе:

– Седой, ты чего бродишь? Чего не спится?

Тот обернулся к Атеисту, ткнул кулаком в бок:

– А чего бы нам правда не спиться, гы?!

Атеист разглядел наконец часового – мальчишка в мешковато сидящем камуфляже, в руках мёртвой хваткой держит калаш, как бы не пальнул с перепугу, Атеист шагнул в сторону, уходя с линии огня – мало ли. Тут псих на психе, людей режут пачками, так что лишняя осторожность – не лишняя. Юнец тем временем пытался отправить Седого восвояси, но того переубедить уже невозможно. Из темноты возник ещё один силуэт, рывкнул, как пес:

– Что за херня здесь? Почему шумим?

Часовой радостно залепетал, по голосу – так сейчас заплачет:

– Ахмед, тут Седой с задержанным за периметр собрался!

Седой хмыкнул:

– Ты ещё слезу пусти, салага!

Ахмед, уже тише и спокойнее:

– Седой, ну че за беспредел? Ты ж знаешь порядок – ночью без разрешения за периметр ни ногой. Ты хочешь, чтоб у тебя и у меня проблемы были? Куда намылился?

– За водкой, конечно! Заначка у меня осталась, щас с Атеистом сгоняем по-бырому, так что кипишь не поднимай, и сосунка этого успокой. С какого детсада взяли-то его?

– Седой! Какая нахрен водка, ты что – совсем с катушек съехал? Да Калач...

– Да в задницу твоего Калача вместе с его приказами и правилами. – Седой выпрямил грудь, сразу стал выше ростом, замахал руками. – Или тебе напомнить, как этот Калач бросил вас там у Синей речки? Как он там потом сказал красиво – не счел целесообразным рисковать операцией из-за двух дозорных! Напомнить, кто задницу твою из горящего бэтэра выдернул под носом у внешников, кто тебя, чурку немытую, пятнадцать кэмэ на своём горбу пер на базу, куда грёбаный твой Калач со своими спецнами вперёд всех примчался? И теперь ты же ещё мне говоришь, что я должен исполнять команды этого чмыря? – Седой разбушевался, орал на всю округу.

– Да тише ты, Седой! – Ахмед скривился, словно хлебнул лимонного сока. – Я помню, помню, но сам пойми – контракт есть контракт, вот кончится – вместе нажремся и всех этих спецнов отмудохаем. А сейчас нельзя, тебе-то что, ты и так на Запад ни ногой, а я хочу осесть где-нибудь в более-менее нормальном стабе. Устал я от этой резни, устал как собака. – Ахмед тяжело вздохнул, Атеисту даже стало жаль мужика, сам за один день такого повидал, что охота забиться куда-нибудь в нору и носа не высовывать. А он тут явно не первые сутки...

– Короче, Ахмед, мы пошли?

– А этого куда потащил?

Седой ухмыльнулся:

– А он теперь крестник мой, учу уму-разуму!

– Ох, Седой! Нарвешься ты на ровном месте.

Тот лишь махнул рукой:

– Напугал ежа задницей!

– Давай, только быстро!

– Одна нога здесь, другая там. Что это – правильно – мина, гы!

– Типун тебе на язык, вали уже! – И повернувшись к часовому, сурово приказал – Калачу чтоб ни слова, понял?

Тот лишь закивал головой, с тревогой косясь в темноту, что поглотила силуэты Седого с Атеистом.

Калач оторвал голову от свернутой куртки, служившей заменой подушки. Вроде орет кто-то, прислушался, сердце забилося с тревогой – неужели напали? Да нет, тишина, часовые не стреляют, не могли ж их всех перерезать без шума. Откуда только Центр насобирает этих недоумков, наемнички, мать их. Только и годны водку жрать, да по свежакам ништяки тырить. Надо всё-таки проверить, что там. Со вздохом поднялся, никакого покоя, тихонько вышел из длинного сарая, что служил казармой для десяти бойцов спецназа и Зены с Калачом. Вот их ребята действительно пашут, как кони, операции одна за другой, внешники что-то активизировались не на шутку. Прошёл мимо «комнаты» Зены, ребята постарались – отгородили угол для командирши. Несмотря на поздний час из-под занавеса над входом пробивается полоска света. Не спит что ли? Осторожно сдвинул занавеску, заглянул внутрь. Зена сидит с задумчивым видом, обхватила ладонями кружку, словно греет замерзшие руки.

– Не спишь?

Девушка вздрогнула, резко обернулась к двери, правая рука метнулась к покоившемуся на столе пистолету. Калач вошёл, шутливо поднял руки:

– Сдаюсь! Прости, напугал.

Зена скупо улыбнулась, поставила кружку на стол, рука потянулась поправить волосы. Женщина и на войне остаётся женщиной.

– Да подремала чуток... Предчувствие у меня нехорошее, в чем-то мы прокололись. Не смотри так на меня, но вот чувствую я нутром – что-то здесь не так. Как будто упустили из виду что-то важное.

– Да брось, операция прошла как по маслу, мурлы пикнуть не успели. – Калач плюхнулся на табурет напротив. – Патруль скатался, как обычно до Площадки, и вернулся. Что не так-то? Взяли грамотно, без шума и пыли.

– Ой, не знаю. Непокойно что-то на душе.

Калач усмехнулся:

– Если девушке не спится и тревожно по ночам, ей обычно советуют завести кавалера. Зена лишь улыбнулась:

– Шел бы ты к черту с такими советами, Калач! Я девушка порядочная, так что ни-ни. Сам-то чего бродишь среди ночи? Тоже не спится и тревожно?

– Да вроде орал кто-то, проверить хотел.

– А-а-а, слышала. По голосу – Седой вроде. Опять водку жрет.

– Слушай, по-моему, ты слишком хорошо относишься к этим разгильдяям. Этот Седой вообще беспредельщик – нарушение дисциплины, неисполнение приказов. Да я его вообще хотел к стенке поставить, мерзавца.

– Не кипятись, Калач! Он конечно допускает вольности, но боец отличный, наших спецов за пояс заткнет.

– Да скажешь тоже... Куда этому наемнику до моих ребят?

– Ладно, ты проверить, кажется, собирался? Вот и проверь, а потом спать. Завтра, – Зена покосилась на часы, – то есть уже сегодня будет тяжёлый день.

– Хорошо. Когда у нас были лёгкие дни?

Седой все ещё сердито сопел, глухо матерился сквозь зубы, размашисто шагая. Атеист еле поспевал, с напряжением вглядываясь в окружившую со всех сторон темноту. Местное подобие луны стыдливо пряталось в распухшие от влаги тучи, что медленно тянулись на юг. Лишь на востоке небосвод чист и понемногу белел, но до полноценного рассвета ещё далеко.

– Седой, ты чего-нибудь видишь?

– Ну не сказать, что светло как днём, но вижу неплохо. Это дар Улья, так сказать личный ПНВ.

– Что за дар Улья?

– Тому, кто задерживается на этом свете, Улей делает подарок. Сверхспособность, так сказать. У кого-то полезное, у кого-то совершенный пустяк. Мне вот более-менее повезло, хотя от умения ксера не отказался бы. – Опередив раскрывшего рот Атеиста, пояснил. – Это когда взял в ладонь какой-нибудь предмет, а в другой из расходных материалов получилась копия. Ксеры в основном такие фокусы с патронами делают. И живут в шоколаде.

– И когда он появляется?

– У всех по-разному. Да и его ещё развивать долго приходится, а для этого столько гороха придётся сожрать.

– Гороха? А почему его?

– Да не обычного гороха, с него ты только пердеть музыкально научишься. Тут нужен горох из тварей, которых не так просто замочить. Это тебе не тупые пустыши.

– Пустыши – это которые без споранов?

– Ага. Запомни для начала порядок: пустыши, споровики, затем горошники, вот в них уже тот самый горох, потом – жемчужники – это элита зараженных.

– Судя по названию, в последних есть какой-то жемчуг?

– Есть. Он нехило прокачивает умение, или открывает ещё одно. Вот только завалить элиту – это большой фарт нужен. Тут ещё неизвестно, кто на кого охотится.

– А здесь такие есть?

– Внешники неплохо округу зачищают, но всех по-любому не изведешь. Попадаются изредка. Ты шевели ножками, мне-то Калач глубоко похрен, только Ахмеда и правда не стоит подставлять. Ахмедка правильный пацан, хоть и басурманин.

– Что? Вы тут совсем обурели? Кто разрешал? Кто? Как ты посмел его отпустить? – Калач осыпал Ахмеда проклятьями и вопросами, брызгал слюной, а тот угрюмо молчал, лишь густые чёрные брови все сильнее хмурились, сливаясь в одно целое над хищным орлиным носом.

На истеричные крики выглянула Зена, при виде девушки Калач умолк, задышал хрипло, жадно хватая ртом свежий ночной воздух.

– Вы чего орете, бойцы же спят! Рассвет увидели – петухами заделались?

– Да эти бараны тут такого наворотили!

Ахмед вскинул голову, острый, как кинжал, взгляд чёрных глаз мысленно перечертил раскрасневшуюся харю Калача автоматной очередью. Вслух лишь выдавил с хрипом:

– Ты б за базаром следил!

– Ахмед, что стряслось? – Калач раскрыл уже было рот, но Зена остановила жестом. – Пусть сам объяснит.

– У Седого водка кончилась, где-то неподалёку он себе тайник сделал, вот и поперся вместе с новичком.

– И далеко этот тайник?

– Не знаю... – Ахмед опустил взгляд, Зена не стала допытываться, хоть и поняла, что боец врёт.

– Почему не остановил?

– Так Седого разве остановишь, он хоть бухой, хоть трезвый прет как танк, до победного конца... не то что всякие калачи...

– Ты на что намекаешь, черножопый? – Калач шагнул вперёд, руки потянулись схватить Ахмеда за грудки.

Не успел. Тяжёлый армейский ботинок с сочным чвोकанием впечатался в грудь, Калач пролетел вперёд задницей шагов пять, со всего маха грохнулся на землю, подняв облако пыли. Захрипел, дыхание сбилось в ноль, наконец бешено выпучил глаза от злости и боли, рука метнулась к кобуре. Ахмед сорвал с плеча автомат, лязгнув затвор, дуло нацелилось напрямиком в

лоб оппоненту. Но тут вмешалась Зена, рывкнула так, что вышедший отлить Молчун и остановившийся неподалёку, заинтересовавшись бурными событиями, чуть не отлил прям в штаны.

– Стоять! Стоять, я сказала! Убрал автомат! – глаза командирши засветились таким огнём, что Ахмед, напугать которого не так-то просто, поспешно исполнил приказ и застыл на месте, как статуя. – Калач, убрал руку с кобуры, и вообще, вернулся в казарму, без тебя разберемся! Тот медленно поднялся, недовольно покосившись на Зену, во взгляде явно читалось, что так просто он этого не оставит. Злобно засопев, зашагал к сараю, обтряхивая на ходу пыльную задницу.

Зена проводила заместителя все тем же недобрым взглядом и повернулась к Ахмеду:

– Значит так, через полтора, максимум два часа мы выдвигаемся. Чтoб к этому времени Седой с новичком сидели на карантине под замком. Оба! Под замком! Ищи где хочешь, или сядешь сам. Сомневаюсь, что ты так поступишь, но надумаешь слинять – один или вместе с Седым, я доложу в Центр, что вы перешли к мурам. И тогда уже сам понимаешь... – Через час Седой с новичком будут здесь. Я отвечаю, Зена.

Глаза командирши чуть подобрели, она кивнула, хлопнув ладонью по могучему плечу кавказца.

– Возьми с собой ещё кого-нибудь. Вон этого, как его... Малого, – Зена кивнула на того самого тщедушного часового, тихонько застывшего за спиной Ахмеда. – И из наших ребят кого-нибудь, а, вон Молчун как раз уже не спит. Молчун! Пойдешь с Ахмедом?

Тот лишь кивнул в ответ.

– Ну что – двинули?

Седой, крадучись, подошёл к крайнему из домов, внимательно огляделся, и взяв в руки обрез, до этого мирно болтавшийся на поясе в каком-то хитроумном самодельном креплении, кивнул Атеисту на дверь. Ещё на подходе Седой разъяснил порядок действий – Атеист медленно открывает дверь, Седой входит первым, и пока проверяет избу, Атеист приглядывает за округой. Если Седой начнёт стрелять – отходить обратно в сторону проржавевшего донельзя остова грузовика. Сразу за ним начинается канава, вот по ней если что и уходить.

Атеист замер, вслушиваясь в звуки, пока вроде тихо, только осторожные чуть слышные шаги Седого.

– Чисто! Заходи – гостем будешь.

Атеист вошёл, осторожно ступая, на улице заметно рассвело, но здесь ещё довольно сумрачно. Седой сдернул занавеску с окна, та от ветхости распалась чуть ли не в пыль. Немного прибавилось света, Атеист огляделся в комнате. Толстый слой пыли покрыл неказистую мебель – кухонный стол, несколько разномастных стульев, замолкший навеки холодильник, газовую плиту. К ней-то Седой и подошёл, скрипнула дверца духовки, и на стол, звякнув бутылками, опустился ящик водки. Следом появилось несколько банок тушеняка, ещё какие-то консервы, глаза Седого довольно заблестели, как у кота, поймавшего мышь. – Живём, Атеист! Грузи консервы и пару бутылей в рюкзак, нет, лучше три возьми на всякий пожарный, и уходим. Обратнo побыстрее надо – светает уже.

Атеист послушно сложил ценный груз, застегнул замок и только тут заметил, что Седой замер, к чему-то прислушиваясь. Атеист тоже наострил уши, какой-то нарастающий гул, похожий на шум вертолётa. Седой бросился к окну, изогнувшись, глянул на небо и смачно выругался. Потом метнулся к двери и осторожно выглянул из-за косяка.

– «Гробы» летят.

– Что это? – Атеист спросил еле слышно.

– А это у внешников смесь вертушки с истребителем. «Гробами» называют из-за схожести с предметом последней необходимости. Хрен его знает, как эта штука летает, но может

зависнуть над одной точкой, а может нестись со сверхзвуковой скоростью. Ты смотри, смотри что они делают, сволочи...

Глава вторая

Три летательных аппарата размером с тепловоз, и вправду похожие на гробы, идут один за другим. Последний ещё рокошет над хутором, Атеист осмелился выглянуть, успел разглядеть прямоугольный силуэт свинцового цвета, когда где-то в районе базы рванул первый снаряд. Сначала блеснула яркая вспышка, а уже затем донесся грохот взрыва. Пол под ногами затрещал и затрясся, Атеист с испугом глянул на Седого, но тот словно прирос к косяку, глаза с тревогой следят за обстрелом. Взрывы пошли один за другим, сливаясь в канонаду, и наконец все стихло, лишь доносится мерный гул уходящих обратным курсом «гробов». – Ну вот и все. – Седой сполз по стене, уселся задницей, на пыльный, заваленный мелким мусором и облупившейся штукатуркой пол. – Вот и все...

Атеист прислушался, после обстрела в ушах нещадно звенит, но всё-таки расслышал далёкие хлопки, словно детвора взрывает петарды.

– Седой, там, кажется, стреляют!

– Пожар там, вот и щелкают патроны. Некому там больше стрелять. Перепахали «гробы» там все... Пацанов-то как жалко, а... – Седой обхватил ладонями голову, заскрипел зубами.

Хоть Атеист почти никого и не знал, но этим людям он все-таки обязан жизнью. Сердце заныло, парень шагнул к столу, дрожащая ладонь цапнула бутылку, огляделся в поисках стакана, напрасно, конечно. Зло сплюнул и, свернув крышку, присосался к горлышку. Водка резанула по глотке, огненным комком покатилась вглубь, Атеист, не удержавшись, закашлялся.

– Э, ты не нажирайся! Для нас-то пока ещё ничего не закончилось, сейчас на этот грохот со всей округи твари сбегутся, глядишь, и к нам заглянут. Да и внешники могут заявиться – на зачистку.

Седой поднялся, подошёл к Атеисту и, выдернув из ладони, сам приложился к бутылке. Остекленевшие было глаза, словно наливаясь спиртным, заблестели. И тут за спиной Седого лязгнул затвор, металлическим грохотом прозвучал злой окрик:

– А ну стоять!

Седой медленно развернулся и вздохнув облегченно, смачно выругался. На пороге с автоматом наперевес застыл Ахмед, за спиной шагах в трёх маячил Молчун.

– Вы что ж, уроды, до сих пор бухаете?! – кавказец прорычал от злости с сильнее прежнего заметным акцентом. – Там же положили всех, а вам по...?!

– Не ори, Ахмед! И сучить тоже не надо. Ребятам уже не поможешь... А пью – чтоб чердак не поехал набок, и хоть немножко толково соображать начал. Хотя, не скрою – я бы и весь этот ящик выжрать не прочь, чтоб так душу не выворачивало. Только не поможет, проверял уже как-то...

Ахмед смолчал, по-прежнему дико сопит, но злой огонёк в тёмных глазах потихоньку угас. Он шагнул к Седому, бутылка перекечивалась в волосатую ручищу, с хрипом высосал половину. Протянул Молчуну, тот отказался и обернувшись к Малому, что все это время сидел на ступеньках крыльца, глухо приказал:

– Э, ну-ка быстро в дом, – и уже Седому, кивнув на все ещё покоившийся на столе ящик, посоветовал: – Готовь закуску, у нас гости.

Атеист шагнул к окну, глянуть, что там до этого рассматривал Молчун, но могучая лапа Ахмеда сгребла за шиворот, дернула назад так, что квакнуло в глотке, парень отлетел к стене, довольно ощутимо приложившись спиной.

– Прости, не до нежностей! Не надо отсвечивать.

Малой влетел в комнату, отчаянно хромя, на пыльном дощатом полу отпечатались кровавые следы правого ботинка.

– Что за херня? – Седой рывкнул так, что жалобно звякнули уцелевшие кое-где в рамках стёкла.

– Я ногу проткнул... нечаянно...

– Что ж ты молчал, урод? Они ж почуют сейчас... Ахмед, ящик!

Кавказец послушно схватил тару, немного недоумевая, Седой же рванул на себя стол и швырнул к двери, перегородив вход. Стол завалился набок, ножками внутрь. Зараженный, зловонный жилистый мужик в длинной, драной в лохмотья рубахе и без штанов, уже несясь внутрь, тянув, словно пес, трепыхающимися ноздрями дурманящий запах крови. Не ожидав такой подлянки от Седого, бегун кувыркнулся на пол, в руке Молчуна словно по волшебству возникло странное оружие, отдаленно напоминающее кирку. Короткий замах, и граненое острие проклевало дыру в затылке. Атеист подскочил, первый испуг прошёл, глаза зашарили по комнате в поисках чего-нибудь потяжелее – отбиваться от тварей голыми руками, мягко скажем, не очень хочется. Ничего подходящего, в досаде сгреб табурет, хоть что-то. Ахмед опустился на одно колено, вскидывая автомат, Атеист сжался, ожидая грохота выстрелов. Но Седой жестом остановил кавказца:

– Не стреляй, иначе сюда все стянутся. Клюв дашь?

Ахмед выдернул из-за пояса, подобный молчуновскому инструмент. Седой протянул руку:

– Мы с Молчуном рубим, ты страхуешь, во, правильно, какой хачик без кинжала. Ну а малышня на подхвате, если что... Работаем!

Следующий зараженный, вернее зараженная – пузатая пожилая тётка в измазанном кровью домашнем халате была не так проворна. Навалившись могучей, как у Семенович, грудью на ребро столешницы, задержалась как гусеница, втаскивая непомерно огромную задницу следом. Молчун скакнул вперёд, свистнул клюв, пара крепких ударов, и тётка обмякла, повисла головой вниз, из раскуроченного темени на пол потянулась тонкой струйкой темная, почти чёрного цвета кровь.

– Что ж ты так с женщиной? Где ж твои манеры? – Седой нашёл силы шутить и в такой ситуации.

Молчун лишь хмыкнул в ответ и изготавился встретить нового гостя. Ахмед обхватил двумя руками холодильник, прямо как любимую, и вогнал агрегат в дверной проем комнаты. Не ахти баррикадка, но из комнаты теперь точно никто не выскочит.

Атеист даже немного успокоился, Молчун с Седым работают как те медведи игрушечные, что дрова рубят. Напрасно, как оказалось. Огромная тварь метра два ростом, оценив свалку у двери, ломанулась в окно. Звякнула вылетевшая рама, следом через подоконник скользнула мускулистая туша, почти лысая, без намека на одежду. Тварь перевалилась внутрь, мерзко заурчала и стоя на четвереньках, замерла на миг, видимо, обалдев от изобилия пищи. Этого мгновения Ахмеду хватило, чтоб подскочить вплотную и всадить нож прямо в глаз по самую рукоять. Атеист не понял, когда сам успел прыгнуть вперёд и ещё в прыжке добавить табуретом по отвратительной морде. Предмет интерьера не выдержал такого обращения, и в руке осталась лишь ножка. Атеист оглядел поверженного противника, с трудом можно различить черты человека в этом монстре, распухший рот с огромными зубищами, как у крокодила, вздутые округлости мышц, жалкие пучки волос. От одного вида на такое похолодело в душе.

Напор зараженных вдруг разом иссяк, по обе стороны перевёрнутого стола покоится около двух десятков мертвецов. Седой стряхнул с оружия кровь, устало выдохнул. И тут на крыльце возникла громадная туша, ещё крупнее, чем монстр-форточник. Могучие лапищи отшвырнули повисшие на хлипкой преграде тела зараженных, монстр, злобно урча, пнул многострадальный стол. Но сваленные в кучу дохляки не дали влететь тому внутрь, столешница лопнула, как яичная скорлупа. Тварь рванулась вперёд, Молчун не стал подбираться близко, рубанул по колену, сжав клюв в вытянутой руке. Не сказать, что удачно, тварь споткнулась,

но устояла, оскалив зубастую пасть, подобралась, явно сейчас прыгнет. Раздался сухой шелчок за спиной, Атеист рывком обернулся к Малому. Тот, вжавшись спиной в стену, сжимает в руках арбалет Молчуна. Тварь захрипела, оперение стрелы торчит между зубов, словно сигарета. Вместо прыжка монстр сделал лишь пару коротких шагов и повалился навзничь. Седой вогнал клюв в голову монстра и восхищенно взглянул на парнишку, подняв большой палец руки. Лайкнул, типа...

То ли неудача уродливого монстра, которого Седой почему-то обозвал лотерейщиком, сильно огорчила других зараженных, то ли ещё что, но соваться снова они не решили. Так и стояли неподалёку, раскачиваясь с пятки на носок. Со стороны базы что-то рвануло, повалил чёрный дым, твари вдруг заурчали практически хором и поспешили туда. Благо густой чёрный столб дыма ясно указывал направление.

– Кажись отбились, ребята! – Седой довольно оскалился. – А вы боялись... Ну Малой, вообще красавчик! Лотерейщика почти в упор, и ещё и штаны сухие! Мужик!

Парень скупно улыбнулся, вернул арбалет хозяину.

– Ну что, сыграем в лотерейку? – Седой подмигнул Атеисту, но тот не сразу понял, о чем речь.

Седой опустил на корточки, взял в руки нож, лезвие коснулось уродливого нароста на затылке. Чем-то отдаленно похож на здоровую головку чеснока, тоже из плотно подогнанных долек. Аккуратно разрезал по линиям, подцепив кончиком, раскрыл получившиеся лепестки. Внутри небольшое углубление, заполненное чем-то тёмным, по виду похоже на скатанную в комок чёрную шерсть. Седой разровнял извлеченное на ладони и что-то вытащил.

– Облом, только спораны. Но тоже неплохо.

В протянутой ладони покоились три серо-зеленых, немного вытянутых шарика, похожие на виноградины.

– А чего стоим? Ахмед, следи за окном и дверью, а остальные взяли ножички и потрошим, потрошим...

Ахмед протянул Атеисту свой нож, лезвие и рукоять так толком и не оттерты от крови, липнет к ладони. Тот склонился над ближайшим мертвецом, перевернул того мордой в пол, покосился на товарищей, как они управляют. Примерился к наросту, брезгливо сморщив нос, поддается туго, с усилием разрезал. Как ни противно, но пришлось извлекать пальцами содержимое спорового мешка. Всего одна виноградина. Управились быстро, в итоге наковыряли двадцать четыре спорана.

– Никогда ещё подряд столько бегунов не кромсал, – Седой выпрямился, потер затекшую спину. – Чего расселись, уходим отсюда. Тут такая куча мяса, твари по-любому вернуться. Это они лотерейщиков побоялись, запах почуяли. Но ненадолго это.

– Куда двинем?

– Тут неподалёку ещё хуторок есть. Отсидимся там. Сегодня соваться на базу рискованно.

Спать хотелось до жути. После боя нервы поуспокоились, и нахлынула такая тяжесть, что Атеист еле переставлял ноги. Обещанный Седым хуторок, который вроде бы неподалёку, не спешил показаться на глаза. Шли осторожно, к счастью, по низине, заросшей мелким кустарником, скрытые от посторонних глаз. Молчун предупредил, что можно нарваться на беспилотник внешников, у того на борту кроме камеры чаще всего вдобавок какое-нибудь вооружение. Так что в случае жужжания над головой тут же нырять в кусты. Но пока тьфу-тьфу-тьфу всё тихо. Мало того, как самого глазастого, поставили в дозор, он уже не хромает – Стикс быстро лечит. Атеист покосился на Седого, тот тоже еле плетется, красные усталые глаза закрываются сами по себе. Да где ж этот чертов посёлок?!

Тропинка медленно забралась на пригорок, кусты поредели, уступая место жилистой колючей траве. Преодолев подъём, дорожка зазмеилась к долгожданному хуторку, где с десяток домов настороженно следили пустыми глазницами окон за приближением путников. Ахмед с

Молчуном обогнали Малого, поочередно заглянули в ближние дома. Чисто. Атеист ввалился первым, прошагал на кухню, не обращая ни на что внимания, устремился в комнату. Старенький диванчик с торчавшими кое-где пружинами, такое же затерханное кресло, перекошенный шкаф, что-то ещё. Атеист шагнул к дивану, прорычал: «Я спать!», и рухнув, как подкошенный, через минуту захрапел.

– Э, хорош харю плющить, вставай давай! – Седой бесцеремонно потряс Атеиста за плечо.

С трудом разлепив глаза, парень медленно поднялся, сел, диван пискляво заскрипел пружинами. В комнате темно, через разбитое окно заглядывает раннее утро, и тянет прохладой. Атеист зябко передернул плечами, зевнул, потер заспанные глаза кулаком. Седой уже вышел на кухню, с кем-то тихо переговаривается, кажется, с Ахмедом.

– Ну что, пора выдвигаться. Пока доберемся, уже совсем рассветет. Нам надо вернуться назад, помнишь, там неглубокая канава идёт в сторону базы?

– Помню. А не быстрее напрямую двинуть?

– Конечно быстрее, только тогда будем до самой базы идти по ровной, как стол пашне. Тут же стандартный кластер начинается. И я лично не горю желанием торчать всю дорогу на виду, как прыщ на заднице. А по канаве пусть и дольше, зато спокойнее.

– Ну, буди своего крестника и двинули.

– Так он уже не спит. Атеист! Хорош валяться, вставай давай.

Атеист встал, тело заныло так, словно по нему всю ночь топталось стадо слонов. Отхлебнул живчика, вышел в кухню, хорошо, что во всей этой суматохе не забыл прихватить с собой фляжку. Отклеил уже ненужный пластырь, вместо ссадины от укуса водилы остались еле заметные рубцы. Живот отозвался разъяренным урчанием, и правда, жрать хочется безумно. Седой, словно прочтя мысли, протянул испорченную банку каких-то консервов, и ложку, видимо, из местных запасов. Атеист отказываться не стал, в три секунды подчистил баночку, как оказалось, с кашей из перловки, живот заткнулся, но скорее всего ненадолго.

На улице и правда прохладно, в сыром воздухе отчетливый запах горелой резины. Ну да, слабый ветерок тянет как раз со стороны базы. Все уже в сборе, как-то само собой вышло, что за главного – Седой.

– Значит так, идём тихо, бегунов вчера много здесь суеилось, чтоб не нарваться, смотрим во все глаза. Не растягиваемся, Молчун впереди, я замыкаю. Стрелять только в крайнем случае. Вроде всё.

Молчун шагнул к Атеисту, протянул топорик для разделки мяса.

– Держи, все лучше, чем с пустыми руками.

Седой хмыкнул:

– Где взял?

– Да вон в том доме на глаза попался, прихватил. Ты-то своего крестника вооружить не додумался.

– Кто ж знал...

До базы добрались без особых приключений. Пару раз попадались зараженные, но не слишком мутировавшие, потому стрелы из арбалета хватило, чтобы уговорить. Уже на подходе от едкого дыма запершило в горле, чадит до сих пор. Атеист не успел тогда толком разглядеть базу, сейчас же здесь виднелись груды кирпичей, обгоревших, изломанных в щепки досок. Кое-где ещё тянутся струйки бледно-жёлтого дыма, кругом воронки от взрывов, на кое-где уцелевших стенах бесчисленные выщербины от осколков. Мясорубка, самая настоящая мясорубка. Атеист тяжело опустился на землю, стало трудно дышать. Не знал он этих людей, совсем не знал, а так погано на душе. Каково же остальным?

Седой подошёл, в руках два автомата, сунул молча один. Атеист так же молча взял, в первый и последний раз держал оружие на уроке НВП. Старый седой майор тогда говорил, что подобные знания обязательно пригодятся в жизни. Прав оказался...

Подошёл Ахмед, брякнулся на землю рядом с Атеистом, устало закурил. Чёрные кустистые брови хмурились всё сильнее, здоровая, как лопата, ладонь сжалась в кулак.

– Всех накрыли, всех... Сволочи...

Седой вздохнул, пальцы, сжимавшие автомат, побелели:

– Я одного не пойму.

Атеист поднял голову, взгляделся в хмурое лицо Седого.

– Чего?

– «Гробы» зашли точно на базу. Понимаешь, как будто на маяк шли.

– Хочешь сказать, кто-то нас сдал?

– Нет, как объяснить-то? Словно им кто-то подсвечивал цель. Понимаешь, вышли в определённую точку по прямой, отбомбились и тут же ушли. Даже не кружили, проверяя, тот ли это поселок или нет, если шли по карте. Тут, сам знаешь, с ориентирами нормальными туго, а поселков похожих хватает.

– Ну может, корректировщик где-то засел, вот и навел.

– Хрен его знает, может и так. О, Молчун какую-то железяку тащит. В сбор металлолома ударился, что ли?

– Узнаешь? – Молчун протянул Ахмеду кусок стального листа с рваными краями, почти квадратной формы шириной полметра.

– Ну, кусок брони. С этой, с «Газельки» трофейной.

– А теперь сюда глянь, – Молчун развернул лист ребром, на сколотом торце отчётливо вырисовывалось несколько круглых пятен медного цвета.

– Вот же мрази, – Ахмед задохнулся от злости, – как щенков сделали!

Седой поскреб ногтем блестящий кругляш и зло сплюнул. Молчун отшвырнул железяку, сел на кусок разлохмаченного бревна. Атеист не понял, о чем это они, хотел уже осторожно поинтересоваться, но Ахмед опередил:

– Подсунули этих лохов, а мы купились. Нахрен вы эту «Газель» сюда пригнали?

Молчун пробурчал зло:

– Я что ли командовал. Калач с Зеной решили. Хотели, наверное, под патруль маскироваться. – И приперли грузовик с таким маячком, что даже чернота сигнал не сбила. Тут же мёртвых кластеров неподалёку до черта. Как раз с востока почти сплошным полукругом. Почему это место и выбрали.

– Да уж, лоханулись хуже некуда. – Седой крутнулся, озираясь. – А где Малой?

– Да там он... где Зена погибла. Втюрился он в неё по самые уши, как бы с катушек не съехал на почве несчастной любви.

– А чего ж его одного оставили? Надо же присмотреть, а то пустит себе пулю в лоб, видал я уже таких.

– Он сам попросил, хочет один побыть...

– Уходить пора, надо со своими связываться. – Ахмед поднялся, сильные, заросшие курчавой чёрной шерстью руки сжали автомат. – Контракт есть контракт.

– Ну да, а то зачислят в дезертиры. А че это Малой несётся, как угорелый?! – Седой прижал ладонь ребром к бровям, пряча глаза от словно по-весеннему яркого солнца.

Малой действительно мчался, не разбирая дороги, гулко бухая армейскими ботинками по иссушенной пожаром земле.

– Смотрите, что нашёл! Это же Зены блокнот!

Седой с Ахмедом печально переглянулись... жаль паренька. Тот, не заметив ничего, зашуршал страничками, что-то нашёл, протянул Седому.

– Вот!

– Восточный кластер, где химзавод. От проходной слева... склады. Восемнадцать... зачеркнуто... четырнадцать хэ. Видимо – ху...

Малой перебил:

– Харь.

– Хм... четырнадцать харь... Один АГС, два РПК, стрелковое. – Седой на миг задумался. – Это, если я правильно понял, с допроса Кабана запись. Так, так, так... Кажется, я знаю местечко, где можно разжиться неплохим хабаром! – Седой хитро подмигнул Ахмеду, но кавказец, насупившись, хмуро поинтересовался:

– И что, думаешь, впятером потянем? Против четырнадцати харь!

– Рисково, конечно... Но без риска в нашем деле никуда. Плюс – мы знаем где они, сколько, и чем вооружены. А они наверняка думают, что нас уже нет в живых.

– Минус – у нас патронов кот наплакал. И из пяти бойцов – один и месяца с автоматом не пробегал, другой вообще в первый раз, по-моему, оружие держит. Да и захочет он с нами идти? Седой повернулся к Атеисту:

– Что скажешь, крестник? Это у нас контракт, а ты вольный человек. Тут каждый сам за себя, если откажешься, никто ничего не предъявит...

– Седой, ты же спрашивал – русский я или нет?

– Спрашивал.

– Тогда какие сомнения? Я с вами!

Седой одобительно хмыкнул, похлопал по плечу.

– Хотя бы разведать стоит. Может, Кабан насвистел, да и ситуация поменялась – нет там уже никого, а мы в Центр доложим...

– Да уговорил, уговорил. Но пока только разведка, ясно?

Мелкий дождь моросит без остановки, затянутое грязно-серыми облаками небо и не собирается добреть. Хотя грех жаловаться – Атеист сейчас хоть под дырявой, но крышей, а пацаны по раскисшей грязи подбираются к складам. Атеиста оставили прикрывать возможный путь отхода на случай какого форс-мажора, но ему понятно – не рискнули брать с собой. Да и правильно. Он стрелять-то умеет пока только теоретически...

Атеист снова и снова скользил взглядом по округе, никакого движения. Квадратные корпуса химзавода то растворяются в серой пелене дождя, то снова проступают на горизонте. Мелкий корявый перелесок тянется от самой стены завода до окраины посёлка, где Атеист засел в крайнем дворе, в старой бане, благо дверь гостеприимно сорвана с петель, а вместо окна – развороченный проем. В бане темно и пахнет сыростью, несмотря на жуткий сквозняк. Чёрные гирлянды закопченной паутины свисают с потолка, зловеще качаются, страшно голову поднять. Даже присесть негде, неизвестно, кому это понадобилось, но утащили всё, даже печь разворочена, и судя по ржавчине на кирпичах, железный бак для воды кто-то тоже прихватил. Атеист выбрал кирпичи поцелее, сложил подобие стульчика, жестковато конечно, но лучше, чем сидеть на корточках. Пока тихо, решил перекусить, все равно без толку наблюдать – дождь припустил сильнее, теперь дальше метров тридцати ничего не видать. Торопливо открыл банку консервов, живот заурчал в предвкушении, прям как лотерейщик. Сквозь шум смачно шлепающих в раскисшее месиво капель дождя отчётливо донеслись чавкающие звуки, словно кто-то шагает, с трудом выдирая башмаки из цепкой грязи. Показалось или нет?! Может, пацаны уже вернулись? Да вряд ли, не бегом же туда-сюда бегали! Сердце забухало, зашумело в висках, торопливо помчалось вниз в пятки...

– Ну и хрена здесь искать? Сычу с похмелюги почудилось че-то, а мы проверяй по дождю и грязи!

– Не гунди, лучше перебдеть, чем недобдеть. Вон – баню лучше проверь, Сыч четко сказал – в крайнем дворе маячил кто-то.

Шаги всё ближе и ближе... Атеист нырнул за перегородку в бывшую парилку, подальше от входа. Надеяться, что не заметят недавнее присутствие глупо – кирпичи сами собой в стопку не складываются, да и полупустая банка консервов красноречиво расскажет о неслыханном идиотизме Атеиста. «Наблюдатель хренов – и патруль проворонил, и засветился по-тупому!» Стрелять – нельзя, иначе подставит ещё и пацанов, муры сразу всполошатся. Но топориком точно не отбиться, там явно не такие же тупицы. Черт, придётся стрелять, придётся...

– Паук на связи! Что?! Понял! Да-да, понял! – рация зашипела. – Муха! Быстро к машине, зови Косматого и с пулеметом сюда!

– А че стряслось-то?

– Да там какие-то клоуны нарисовались, к заводу крадутся, ниндзя х...ы! Сейчас их там встретят, наша задача гасить всех, кто обратно ломанется! Давай в темпе!

Муха умчался за подмогой, а командир... командир двинул напрямик в баню – лучшей позиции не найти. Между баней и первыми кустами перелеска метров тридцать открытого пространства – заросший бурьяном огород, от пулемета хрен укроешься. Командира сгубила беспечность – посёлок они мало-мальски проверили, а в баню Муха так и не заглянул... Дверной проем словно для лилипутов, оно и правильно – меньше тепла теряется, вот только входить нужно, пригибая голову пониже, а это на секунду упускать из виду, что там впереди. Секунды еле хватило выскочить в предбанник, топор со свистом понесся вперёд, с отвратительным хрустом вгрызаясь в удивленное лицо мура. Дернувшие вверх автомат руки безвольно разжались, командир обмяк, Атеист подхватил падающее тело и оттащил в парилку. Сдернул автомат, пошарил по карманам мертвеца, стараясь не смотреть на располовинненую рожу, кровавое месиво из мяса, костей и зубов.

С мерзким хлюпаньем выдернул топорик, брезгливо обтер об камуфляж поверженного оппонента. В фильмах в таких ситуациях главного героя должно выворачивать наизнанку, но Атеисту не только не поплохело, проснулся какой-то звериный азарт. Улов с трупа небогатый – пара снаряженных магазинов, плюс автомат с ещё одним. Ни споранов, ни живчика. А жаль, фляжка, что Калач благодушно подарил новичку, не бездонная. Некогда рассиживаться, подельники покойного появятся с минуты на минуту. Отстегнул с трофейного автомата магазин, рассовал рожки по карманам, автомат же сунул в рюкзак мура, туда же и топорик. Оставил рядом с мертвецом, если сам выживет – заберет. Обратно к двери – никого, но где-то на другом конце посёлка затарахтел двигатель. Бегом к дому, хорошо, что до этого проверил, что дверь не заперта. Юркнул внутрь, здесь в отличие от развороченной бани все цело. Прошёл на кухню к окну, что выходит на улицу. Попахивает плесенью, кругом – на овальном обеденном столе, на холодильнике, на кухонных шкафчиках – везде слой пыли с палец толщиной. А вот и гости!

Серого цвета «буханка» лихо подрулила к воротам, что с противоположной стороны от бани. С пассажирского выскочил автоматчик, с разбегу пнул в хлипкие воротца из штaketника. Створки со свистом раскрылись, узик влетел во двор, прячась от химзавода за домом. Атеист выругался, с той стороны окна нет, вернулся в сени к двери, муры обязательно появятся возле бани.

– Паук, ты где?!

Атеист осторожно выглянул, голос уже знакомый, этот боец, значит, Муха. А где же второй, да и двое ли их всего?! Щелкнул предохранителем, Муха как раз нырнул в баню. Ждать нельзя, прицелился в силуэт, что как по заказу застыл в дверях предбанника, видимо, под впечатлением от смазливой мордашки командира. Грохнуло неожиданно громко, Атеист предполагал, что будет шумно, но не так, что в ушах зазвенит, как в колоколах на церковный праздник. Где же второй, сволочь?! Загрохотало ещё сильнее, явно пулемёт, бьёт короткими по бане, не разобрался, откуда стреляли. Атеист выскользнул на улицу, быстро и бесшумно, как змея, обошел дом против часовой, заходя пулеметчику в тыл. Грязь оглушительно чавкает, Атеист притормозил, так недолго спалиться. Пошёл осторожно, дрожащие пальцы, переминаясь, тис-

кают автомат. Кровь бурлит, не от страха – от азарта, жажда приключений, мать её! В стороне химзавода раздались выстрелы, остаётся надеяться, что пацаны смогут отбиться и уйти. Надо заканчивать с пулемётчиком, срочно! Выглянул из-за угла – чисто, осторожно прошлепал между уазиком и глухой стеной дома, оставляя расплывчатые следы.

Пулемет затих. Стрельба у завода все интенсивнее, сухой треск автоматов прерывают гудящие хлопки гранат, там сейчас жарко. Атеист, тяжело вздохнув, лег на землю, если эту раскисшую жижу так можно назвать. Осторожно пополз, стараясь не макать автомат в это дерьмо. Калаш, конечно, штука надёжная, но рисковать не стоит. А вот и пулемётчик! Отошёл от двора в сторону, укрылся за ржавым, явно обгоревшим остовом легковушки, по очертаниям – «копейки». Вертит башкой, но всё внимание в сторону неутихающей канонады и прохода между баней и домом. Атеист подполз чуть правее, опасно, конечно, но только одна попытка загасить мура, если промажет – тот его напигует свинцом по самое не хочу! Медленно подтянул автомат, приладился поудобнее. В последний миг пулеметчик, словно почуяв неладное, повернулся к Атеисту, но поздно, длинная очередь расчертила грудь полосой быстро темнеющих пятен.

Атеист вскочил, подбежал, грязь летела в стороны, как из-под копыт коня, схватил пулемёт – старый советский РПК, обратно к уазiku. Пулемет в салон, сам за руль, хорошо, ключи в замке, не сообразил же проверить карманы пулемётчика. Двигатель фыркнул, закапризничал, наконец пыхнул чёрным дымом через выхлопную. Уазик с воем выскочил задом на улицу, Атеист притормозил возле бани, негоже бросать трофеи. Так же бегом внутрь, чуть не поскользнулся на огромной луже крови, подхватил автомат Мухи и рюкзак. Стрельба явно смещается ближе, не трудно допереть, что пацаны отходят с боем. Снова за руль, но куда ехать? Впереди раскисшие донельзя грядки, соваться туда глупо – проходимость у машины неплохая, но здесь явно ничего не светит. А ребят выручать надо! Срочно! Развернул уазик в обратную сторону, муры же как-то приехали, и прикатали с химзавода. Даже хорошо, что грязь, на пыльной дороге поди разгляди следы, а в этом месиве две отчетливых борозды, словно пара удавов занималась синхронным ползанием.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.